

— Рудольфио!— позвал он.

Она обернулась к нему и ничего не сказала.

— Рудольфио!

— Перестань,— брезгливо сморщилась она.— Какой ты Рудольфио, ты самый элементарный Рудольф.

Удар был настолько сильным, что боль сразу охватила все тело, но он заставил себя остаться, он подошел к окну и оперся на подоконник.

Она все раскачивалась взад и вперед, и

все смотрела перед собой, и тихо скрипели под ней пружины кровати.

— Ну, хорошо,— соглашаясь с ней, сказал он.— Но объясни, где ты была.

— Тебе это интересно?— она явно передрознивала его.

— Да.

Не обращая на него внимания, она замурлыкала какой-то протяжный незнакомый мотив — тоскливый и бесконечный. И все раскачивалась взад и вперед.

В ОБЩЕМ ВАГОНЕ

Рассказ

Давно, очень давно Волков не ездил в общем вагоне, а тут пришлось. Это было время летнего пассажирского наводнения, и поезда, как волны, один за другим шли к дальним западным и восточным берегам, с шумом шибаясь на вокзалах и каким-то чудом все же расходясь по сторонам. Волков прошел в последний вагон и стал проталкиваться среди ног и спин. Сесть было негде: всюду люди и узлы, и узлы походили на людей, а люди на узлы — те и другие двигались, толкались и искали свободное место. Волков встал у самого выхода из последнего купе и снял пиджак.

Духота в вагоне стояла невыносимая. Люди быстро вспотели и теперь пылали, словно костры, разожженные друг возле друга. Капли пота на их лицах сверкали, как искры, — казалось, вот-вот они затрещат, разлетаясь по сторонам, но в самый последний момент люди торопливо гасили их платками. Поезд уже должен был двинуться, но почему-то все стоял и стоял. Волков уже в который раз начинал считать до десяти, гадая, на каком же числе состав тронется, но тот, казалось, никуда не торопится.

Прямо перед Волковым на скамье сидели две девушки лет по семнадцать-восемнадцать и мужик в соломенной шляпе и в каком-то блестящем, чешуйчатом галстуке, который даже по форме напоминал рыбий хвост. Когда мужик открывал рот, хватая им воздух, галстук в такт этому жадному дыханию послушно двигался из стороны в сторону. Четвертое место на скамье было занято странного вида остроконечным узлом, родство которого с мужиком даже не надо было доказывать,—

он восседал как его родной сын. Волкова этот узел раздражал. Только потому, что его принесли раньше, он занял место, а человек должен стоять на ногах.

— Папаша,— не вытерпел наконец Волков,— а узел-то можно бы убрать, а?

— А там водка,— сказал мужик.

— Ну и что?

— А ничего. Оно, конечно, можно и водку под лавку засунуть. Вот ты и сядешь.

— Спасибо,— буркнул Волков.

Только он сел, поезд тронулся. По вагону сразу же прошелся ветерок, и люди зашевелились, задышали, стали приглядываться друг к другу. В ожидании время остается как бы всего лишь с одной часовой стрелкой: оно утомительно и неторопливо. Но вот ожидание кончилось, минутная стрелка снова пошла по кругу, и люди сразу стали другими, словно и в них тоже заработали какие-то важные части, которые были выключены. Мужик рядом с Волковым вдруг о чем-то забеспокоился и заерзал на своем месте, посматривая то в одну, то в другую сторону. Потом он повернулся к Волкову.

— Далеко едешь?

— Нет.

— Это смотря как рассматривать,— философски заметил мужик,— а то можно сказать, что и до Москвы недалеко.

— Можно,— согласился с ним Волков,— но я до Москвы не доеду, я утром сойду.

Мужик кивнул головой, но не успокоился. О чем-то размышляя, он еще раз кивнул и после этого спросил:

— Это какая же остановка у нас утром будет?

— Комарово.

— Комарово,— мужик обрадовался.— Вот как. Так бы сразу и сказал, что Комарово. Они вот тоже в Комарово вылезать будут,— он показал рукой на девушек.— У меня там дружок до войны жил, Ванька Андриянов. Может, знаешь такого?

— Нет, не знаю,— сказал Волков.— Я там еще не был.

— Значит, в первый раз. Посмотри, посмотри. А я в Комарове был. Давно был, до войны еще. Мы там с Ванькой Андрияновым на бухгалтерских курсах вместе учились. А ты-то туда в гости едешь?

— Нет, не в гости. В командировку.

— А-а-а, ишь ты.

Видно, перед поездом мужик выпил и теперь мог беседовать хоть со всем вагоном. То и дело он засовывал ногу под скамью и передвигал там свой узел. Вид при этом у него был сосредоточенный и внимательный. Потом он ставил ногу на место и начинал крутить головой, словно проверяя, все ли в ней хорошо. По всему было видно, что мужик страдает, а страдать он, конечно, не хотел. Поэтому, решившись, он осторожно подтолкнул Волкова локтем, и когда тот обернулся, зашептал, показывая пальцем под скамью:

— А в сумке-то водка.

— Да-да,— сказал Волков, не зная, что на это надо отвечать.

— Давай,— предложил мужик, сладко прищурившись.

— Нет,— Волков отказался.— Жарко.

Мужик кивнул, но сам, конечно, не понял, как можно отказываться от того, что, по его мнению, объединяет сердца и души всех людей. Он умолк, но не успокоился. Себе он уже дал разрешение — это было самое главное, остальное уладить было легче. Он поднялся и, оглядываясь, пошел в ту же сторону, куда шел поезд. Волков с облегчением вздохнул.

Трясло в вагоне ужасно — сказывалось то, что он был последним. Казалось, он беспрестанно переваливается с рельса на рельс, словно подпрыгивая то на одной ножке, то на другой, потом отдохнет, пройдетя немножко как следует и снова начинает прыгать. Привыкнуть к этому было бы нетрудно, знай Волков, что в поезде нет купированных вагонов и все едут на одинаковом положении. Но они были, и люди в них играли в шахматы, читали книги или просто, в конце концов, могли развалиться на скамье. Мысль об этом причиняла Волкову боль, и он морщился от нее, заранее чувствуя себя разбитым и нездоровым. О том, что будет ночью, он старался не думать.

Поезд шел на запад, вслед за днем, но не поспевал за ним, его самого уже нагонял вечер — он был здесь какой-то дымчатый и неясный, словно уставший от бега. Волков смотрел в окно, но как-то невнимательно — смотрел и почти ничего не видел, кроме вечера, который мчался по рельсам телеграфной линии, где столбы, как шпалы, рябили в глазах.

Не выдержав, Волков отвернулся. Девушки рядом с ним о чем-то щебетали, и он невольно прислушался. Они говорили об одноклассниках, перебирая каждого, — кто куда пошел после школы. Сами они, судя по всему, только что сдали экзамены в пединститут и теперь на несколько дней, оставшихся до занятий, ехали домой. Они уже сейчас жили встречами и разговорами, которые им предстоит дома, ради них они ехали обратно, хотя, наверное, могли бы не ехать. И, конечно, они правы — это стоило того, чтобы тратить деньги и вести себя по-ребячьи. Волкову захотелось поговорить с ними и хоть ненадолго приобщиться к их радости, к чувству, которое он когда-то испытал сам. Сколько же с тех пор прошло? Ровно шестнадцать лет, он один прожил почти столько же, сколько они вдвоем, но они считают себя совсем взрослыми, а он, наоборот, думает о своей взрослости как о будущем, хотя ему за тридцать. И попробуй тут разберись, кто прав, а кто нет. Думая об этом, он спросил совсем другое.

— А Комарово далеко от станции, девушки?

Они повернулись к нему разом.

— Нет, километра два,— сказала одна.

— Там автобус ходит,— подсказала другая.

— Это хорошо, что автобус,— он улыбнулся им.

— А вы правда в первый раз к нам?

— Правда.

— А что вы слыхали о нашем городе?

— Кажется, ничего,— сказал он, подумав.— Кроме того, что есть такой. Но, если вы хотите, я могу рассказать вам о нем.

— Это как?— спросила та, которая сидела рядом с Волковым, недоуменно подняв на него свои громадные, какого-то весеннего цвета глаза, в которых было и голубое, и синее, и зеленое — все сразу.

— А вот так.

Волков был рад, что затеял этот разговор — вот и время пройдет, но главное было не в этом, главное заключалось в том, что он будет меньше завидовать их молодости, непосредственности, наивности, тому внутрен-

нему человеческому пространству, которое не заполнено еще в них ни большими ошибками, ни большими заботами. Они почему-то напоминали Волкову бутылки с молоком — не зря же говорят, что молоко на губах не обсохло — и вид у них был молочный: белый, чистый и свежий. Они просто жили и только, не задумываясь еще о своей величине и не ведая о том, насколько трудно быть человеком.

Рассказать о городе, в котором они жили, Волкову ничего не стоило: он много ездил и знал, что районные городишки мало чем отличаются друг от друга. Почти у всех у них постоянно рабочий вид, они невыразительны и неприхотливы.

— У вас там деревянные тротуары, — начал он, — да и то они в порядке только на главной улице. Эта улица длинная-длинная и по ней от начала и до конца — это значит от вокзала и до какого-нибудь маслозавода ходят маленькие автобусы, с одной, с передней дверцей.

— Но у нас есть и большие, — поправила его та, которая сидела в углу. — И ходят они не до маслозавода, а до РТС.

— До РТС, — он сразу согласился. — Они проходят мост через Комаровку — так называется ваша речка?

— Та-ак.

— Она неширокая, спокойная, и зимой по ней возят сено. На лошадях. Теперь дальше. Город ваш почти весь деревянный, двухэтажных каменных зданий только пять или шесть — это райком, две школы, комбинат бытового обслуживания, клуб и контора РТС. Гостиница деревянная и вход в нее почему-то со двора.

— Вы правда у нас не были? — удивленно спросила его девушка с весенними глазами.

— Правда.

Пришел мужик, шумно сел на свое место и, прислушиваясь, настороженно молчал.

— А вы не смеялись над нашим городом? — снова спросила девушка.

— Нет, зачем же.

— Он у нас старый, добрый и никому зла не делает. Мы его любим.

Волков улыбнулся.

— Честное комсомольское!

— И все-таки вы уезжаете из него в большой город, — сказал Волков.

— Во-во, — подхватил мужик. — Жили-были и нету. Только поднялись и ищи-свищи. От отца, от матери — ко всем чертям, и не найдешь — вот какое дело! А в деревнях что происходит!

— Да нет, отец, — с досадой сказал Волков, — не о том вы. Они же учиться едут. В своем маленьком городе они становятся добрыми — от тишины, от тополей, от речки, а умными надо становиться где-то в другом месте.

— Куда там!

— А что — конечно.

— Во-во, все умные, одни мы дураки.

— Да зачем вы так?

— А, едут, пускай едут. Мне начхать да рюмочкой запить, вот и все расставанья. У меня свои проблемы огородами стоят, весь век разбирай, не разберешь.

Волков молчал.

Мужик пожевал губами и вдруг радостно толкнул Волкова в бок.

— Земляка я встретил.

Волков не ответил.

— В том вагоне едет. Я, значит, иду, а он сидит. Вот так я его и обнаружил. А он не знал, что я еду, оттого и сидел. А еще говорят...

Мужик на полупhrазе умолк и, наклонившись, стал шарить рукой под скамьей, пока бутылки не зазвенели.

— Голос подают, — обрадовался он. — Водка, она в бутылке тоже ум имеет, а уж когда в человека войдет, то там безобразия разводят — это верно.

Он взглянул на Волкова, словно проверяя, какое на того это произвело впечатление, но ничего не увидел и продолжал:

— У меня сосед был. Весь век ни капли в рот не брал, а помирать лег, старуху за бутылкой послал. И всю ее, значит, выпил и помер. Это как объяснить?

— Не знаю, — пожал плечами Волков.

— А чего тут знать? Значит, всю жизнь человек от этой трезвости, как от заразы, мучился, а перед смертью не вынес. Это понимать надо.

Мужик, довольный собой, глубокомысленно вздохнул, заглянул вправо и обрадованно произнес:

— Идет, идет!

Подошел парень.

— Ну, здравствуй, еще разок, Петро, — засуетился мужик, протягивая ему руку.

— Здравствуй, Иван Сергеевич.

— Вот ведь как, Петро, а! Ты, значит, там едешь, а я здесь сижу. Это как, а?

— Бывает, — развел руками парень.

— Ну, мы это положение выправим. Ты как, а? Ничего?

— Ничего.

— Во-во. Главное — не быть дураком. Правильно я говорю?

Мужик достал узел, поставил его себе на колени и развязал. Все это он проделал не спеша, с чувством хозяина. Бутылки были спрятаны в носки — видно, чтобы в дороге не побились.

Парню сесть было некуда, и он, стоя перед мужиком, следил за каждым его движением. Вот показалось горлышко, и мужик, все так же не торопясь, отбил с него сургуч и достал стакан.

Рядом с Волковым забулькало.

— Ну, за встречу или как?

— А хоть как.

— Во-во.

А поезд все шел да шел. За окном лежала темнота, и поезд прошивал ее, как игла.

В соседнем купе заплакал ребенок. Волков видел, как мать, укачивая его, смотрела в темноту, и ей, наверно, было тревожно от ее близости. Мужик снова налил в стакан и, набирая духу, остановился. У девушки, которая сидела рядом с Волковым, тускнели от тяжести глаза — два ее маленьких солнца приближались к закату. Черная голая шея парня, которую, видимо, и зимой и летом укутывали только ветры, стала багровой. Люди на скамьях постепенно расплывались. Волкова клонило ко сну, и все, что было перед ним, получало другие очертания и измерения.

Мужик, резко повернувшись, больно толкнул Волкова в бок.

— Осторожней, отец, — открывая глаза, со злостью сказал он.

— А, извиняй, извиняй.

Сон сразу пропал — покачался, покачался и, словно обидевшись, куда-то ушел. Волков выругался про себя и от нечего делать стал смотреть, как затихает вагон, как люди по очереди вытягивают ноги и роняют головы. Казалось, они были цифрами на какой-то замысловатой мишени, и невидимый стрелок мастерски поражает их одну за другой.

— Ну, я пойду, Иван Сергеевич, а то место займут, — сказал парень.

— Иди, коли так, иди, — позволил мужик. — Я сейчас тоже прикорну, а завтра вместе сойдем. На сегодня хватит — правильно ты говоришь.

«Слава богу, — подумал Волков. — Может, правда успокоится».

Мужик прильнул головой к стене, что-то пробормотал и сразу же выпрямился.

— Мы какую станцию проехали? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Волков. — Спи, отец, утром разберемся.

— Э, нет. Оно, конечно, спать можно, но, с другой стороны, можно и выпить. Ты как, а?

— Я никак, я уже сказал. И тебе, отец, хватит. Потом будешь всю ночь куролесить. Волков рассердился.

— Подожди, — мотая головой, сказал мужик. — Я тебе сейчас, все, значит, до капли объясню. Мы с Петром один носок опростали, а куда его один, когда у меня две ноги? Соображаешь?

Он хохотнул и снова достал узел.

Девушка, которая сидела рядом с Волковым, подняла голову и открыла глаза. Ее лицо недоуменно повернулось в сторону мужика и обиженно нахмурилось. Она снова закрыла глаза — казалось, хлопнула дверью и ушла, чтобы не оставаться вместе с ним. Но что-то заставило ее вернуться. Когда Волков повернулся к ней, она, вздохнув, молча смотрела перед собой, и этот вздох, как звук открываемой двери, снова вернул ее на прежнее место.

— Не спишься? — вполголоса спросил Волков.

— Разве тут уснешь? — обиженно сказала она.

— Ничего, вы днем отоспитесь.

— Конечно, отосплюсь. А все равно спать хочется.

— А ваша подруга спит.

— Ага, она спит, — сказала девушка и, слабо улыбувшись, взглянула на Волкова.

— Что вы завтра будете делать? — спросил он.

— Не знаю.

— А я знаю.

— Вы все знаете.

— Да, — сказал он.

— А что я завтра буду делать?

— Вы пойдете по вашим деревянным тротуарам от самого вокзала до самой РТС.

Она молчала.

— Правда? — спросил он.

— Правда, — призналась она. — Но теперь я не пойду, раз вы про это знаете.

— Ну и зря.

— Я спать хочу, — сказала она. — Он еще долго будет пить?

— До утра, наверно.

Девушка ничего не ответила. Казалось, ее лицо покрывалось вуалью или чадрой, оно теряло выражение и становилось все более и более усталым, потом и глаза закрылись, и Волков опять остался наедине с мужиком.

Тот, глядя куда-то в сторону, мям пальцами папиросу, и табак сыпался ему на колени.

— Вот что, отец, — Волков взял его за

плечо.— Давай договоримся, что здесь ты курить не будешь. Здесь дети, понимаешь?

— Они спят,— возразил мужик.

— Если ты здесь закуришь, я тебя вытолкую из вагона,— решительно сказал Волков.

Мужик поднялся и послушно заковылял в тамбур.

Волков устал. «Никогда, ни за что в жизни в общий вагон больше не пойду,— думал он.— Надо было подождать. Надо было пропустить хоть десять поездов, зато на одиннадцатом ехать нормально».

Потом он вытянул ноги и оглянулся на девушку. Она спала. Спать было неудобно, и она, охраняя себя от тряски, скрестила руки на груди. Ее узкие, сдвинутые вместе колени, как узлы, завязанные на память о ее великой девичьей тайне, подпрыгивая, дрожали. Волков отвернулся, чтобы заглушить в себе поднимающуюся сладкую боль. «Все это уже не для меня,— с тоской подумал он.— Вот так всегда: чет-нечет, чет-нечет, потом короткая, неслышная команда, и ты уже в другом ряду».

Он закрыл глаза, затем открыл их и еще взглянул на голые, дрожащие колени девушки.

— Чет-нечет, чет-нечет, и ты уже в другом ряду,— повторил он.

Поезд, как шахтерская клеть, все глубже и глубже спускался в ночной забой, и отработанными штреками позади него оставались пустые и молчаливые станции. Иногда сбоку появлялась луна — единственный выход на гора. По сторонам сразу же за темнотой чувствовалась твердая порода, пугающая извечной нетронутостью. Казалось, ее нерасщепленные атомы тишины таили в себе жуткую силу. В длинном, бесконечном коридоре, по которому шел поезд, нажививал ветер.

Люди в вагоне, доверившись поезду, спали. Этот сон был беспокойным — то и дело кто-нибудь, устав, перекалывал голову с одного плеча на другое. Похоже было, что люди ехали на ночную смену — они спали как придется.

Волков долго сопротивлялся, но в конце концов не выдержал и, засыпая, почувствовал себя где-то высоко над землей. Он плыл над огнями, над лицами, поднятыми вверх, и над крышами с посадочными крестами, но никак не мог выбрать место, где можно было бы приземлиться. Он заглядывал на них сверху, как в магазинную витрину с множеством красивых вещей, но сам он не знал, что ему нужно, и пролетал мимо них не останавливаясь. Было тихо, и ничто ему не мешало плыть все дальше и дальше.

Потом он почувствовал усталость, спустился, сел на первую попавшую скамью и, вытянув затекшие ноги, положил голову на спинку скамьи, чтобы было удобнее. Он решил отдохнуть как следует. Вокруг него не было ни души.

Еще не проснувшись, Волков понял: случилось что-то очень важное. Казалось, кто-то стучался в него, он прислушался — стук был мягкий, но настойчивый, и он расхотелся по телу, как вино — удар-глоток, удар-глоток и так без конца. Волков, не выдержав, пошел открывать и, пока шел, все размышлял, кто бы это мог быть. Он открыл глаза, осторожно повернул голову вправо и затаил дыхание.

Девушка спала, обняв его одной рукой и положив ему голову на плечо. Она спала и, видно, ни о чем не знала. Она пришла к нему во сне, и от нее было тепло и хорошо, как бывало хорошо когда-то давным-давно, словно забытое возвращалось, чтобы обновить чувства. Его сердце забилося сильнее, оно, как радист, быстро отстукивало своими длинными красными пальцами полные смысла точки и тире, разнося по всему телу весть о случившемся. А она дышала ровно и доверчиво, и это дыхание постепенно успокоило его.

Он прижался к ней ближе, закрыл глаза и тоже уснул. Но и во сне он охранял девушку от всего, что могло бы ее разбудить. Он слышал, как пришел мужик и еще долго возился в своем углу, но он слышал все это так, как будто оно происходило где-то за спиной. Он отмечал про себя остановки, но отмечал их так, словно вспоминал забытое. Он спал и не спал, будто все время шел по коридору с темными и освещенными окнами, и они, чередуясь, напоминали шахматную доску, за которой он играл сам с собой. Даже во сне он был счастлив от этой нечаянной близости с незнакомой ему девушкой, от которой исходила самая первая молодость, пахнувшая парным молоком, и совсем еще детская доверчивость. Все это его волновало и одновременно успокаивало — он мог шагнуть в одну сторону, а мог в другую, и всюду ему было хорошо. В нем ненадолго сошлись два человека: один — восемнадцатилетний парень, обнимающий свою девчонку в последней электричке, а второй — пожилой мужчина, к которому прижалась дочь. Случай устроил ему встречу, напоминая о чувствах, которые в нем были и которые будут, но он не мог в них разобраться, потому что спал.

Волков проснулся оттого, что ему стало холодно и одиноко. Он поднял голову и увидел, что уже рассвело. Девушка сидела, от-

вернувшись от него и глядя куда-то в сторону. Она стала чужой и далекой, нетрудно было понять, что она стыдится того, что произошло ночью.

— Скоро Комарово?— спросил он у нее. Она не ответила.

— Сейчас будет,— сказала ее подруга.

Люди просыпались и, отряхиваясь, приходили в себя. По вагону пробежала проводница, размахивая желтым флажком. Девушки поднялись. Волков пошел вслед за ними, держась за верхние полки,— поезд уже тормозил.

Они сошли на перрон, и Волков сказал девушке, показывая на чемодан:

— Давайте помогу.

— Нет-нет, я сама,— она испугалась и заторопилась.

Задержавшись у витрины с газетой «Гудок», он подождал, пока она ушла. У него было такое чувство, словно он провалился на каком-то важном для себя экзамене и теперь многое потерял навсегда. Он смотрел в газету, а сам думал: что же все-таки случилось? На душе у него было нехорошо.

Потом он шел по деревянным скрипящим тротуарам, которые угадал еще вечером, по маленькому городку, в котором знал все наперед, и снова пытался понять, почему эта ночь в переполненном вагоне была такой хорошей и почему после нее осталась такая пустота. И идти ему уже никуда не хотелось, а хотелось сесть в поезд и вернуться обратно.